

ПРЕПОДОБНЫЙ ПАВЕЛЬ-ПУСТЫННИКЪ

Черновно-историческій очеркъ Вл. П. Лебедева.

К III - 1336834

1.

ОКОЛО 1370 г. въ недавней еще, но уже прославленной на всю Русь святыю обители подвижника Божія Сергія Радонежскаго примѣтно было—въ ясный весенній день—оживленіе не малое. И у старыхъ иноковъ, и у младшихъ послушниковъ одно имя на устахъ было, всюду—отъ келарни до ризницы обительской—слышалось, съ благоговѣніемъ великимъ повторялось...

— Схимникъ Павелъ нынѣ подвигъ свой скончаеть,—ходила молвь по монастырю Радонежскому. — Исполнень обътъ великій... Пятнадцатое лѣто истекло, какъ затворился подвижникъ въ келью, обътъ безмолвія пріялъ...

И когда святой игумень Сергіи, со старшею братією, двинулся, послѣ службы церковной, въ перелѣсокъ пустынный,—всѣ иноки за нимъ усремились.

Синѣло небо, листва зеленѣла, птицы сладкоголосно пѣли... Въ чашѣ глухой, забитая крѣпко-на-крѣпко, чернѣла келья молчальника...

— Братъ Павелъ!—возгласилъ святой игумень,—прислѣ время твое. Протекли долгіе годы подвига твоего. Прерви обътъ безмолвія, выйди изъ затвора...

Словно передъ гробомъ закрытымъ, гдѣ мертвецъ лежитъ, прозвучали слова игуменскія... И на нихъ изъ гроба-кельи отозвался голосъ слабый, человѣческій...

— Спаси ти Христось, отче-игумень! Гряду, гряду на повелѣнію твое...

Тяжко разомкнулись затворы, дверь открылась—вышелъ живой мертвецъ на свѣтъ Божій... Темень ликъ, волосы бѣлы: впрямь, не изъ гроба-ли всталъ? Нѣтъ, очи блеснули ленимъ свѣтомъ—вѣра святая въ нихъ живетъ—горитъ... Поплутелъ иноки и старцы, съ удивленіемъ внемлютъ рѣчи игумена къ молчальнику... Въ келью они бесѣдуютъ...

— Благословляю тебя, братъ Павелъ, на путь дальній, на пеканіе свитое. Духомъ ты окрѣви, просвѣтлявь... Искусъ иноческій преодолявь, превысилъ... Вручаю тебѣ сеі крестъ мѣдний, литой, на алтарѣ освещенный. Да будетъ оиъ оружіемъ твоимъ противъ врага видимаго и невидимаго...

Ожившій для подвига новаго, мертвецъ-молчальникъ въ ноги уналь свитителю, крестъ пріялъ... Яркое небо майское синѣть, листва въ лѣсу шелеститъ. Братія кругомъ съ благоговѣніемъ и любовію взираетъ на схимника съдовласаго, будущаго пустынножителя лѣсовъ Обиорскихъ...

II.

1359 годъ... На Руси въ великое книженіе вступилъ юный князь Василій Дмитріевичъ... Смутно, тяжело въ землѣ Московской: Литва грозить, ордынцы дани требуютъ, набѣги кровавые замышляютъ... Кровь рѣкой льется...

А въ пустынныхъ, холмистыхъ лѣсахъ Комельскихъ да Обиорскихъ, гдѣ тихо струятся рѣки Нурма да Грязовица, тамъ покой и тишина нерушимая. Правда, осень стоитъ нечастная, порой дожди льютъ, вихри сырые бушуютъ и звѣри

лѣсные ревуть, воютъ—добычи ищуть... По зато нѣтъ зды бойни кровавой, не идетъ человекъ на человека съ мечомъ и копьемъ острымъ... А дожди перестанутъ, вихри улягутся, звѣри насытятся—на покой уйдутъ,—и опять стихнетъ дымъ мучій боръ Комельскій: только листва шелеститъ, только звонко-звонко журчитъ Грязовица, принимая въ себя мутныя потоки съ холмовъ размытыхъ... Тихо, тихо къ вечеру бору Комельскому! Деревя многовѣковыя, черно-сѣдыя, черно-бурыя ровнымъ строемъ протянули вѣтанъ минствъ надъ сырой землей мглестою... И слышится въ чашѣ дремочей нѣкій голосъ, возглашающій хвалу Господу Вседержителю, Творцу всего видимаго и невидимаго... Откуда голосъ идетъ? Кто въ лѣсу дикомъ человѣчьей рѣчью, молитвою благочестной тишину будитъ?

Въ пятисотлѣтнемъ дуплѣ липовомъ, сквозь трещину широкую, слышится тотъ голосъ молитвенный... И сосѣднія старыя деревня-воликаны трепетно внемлютъ одинокой, горячей молитвѣ, что возносится, словно дымъ кадильный, изъ темныхъ трущобъ лѣсныхъ въ небо высокое...

— Слава Тебѣ, Вседержителю, Творцу видимаго и невидимаго!—раздается голосъ проникновенный, и въ черномъ дуплѣ, во весь ростъ, съ руками, къ небу подъятыми, виденъ старецъ-схимникъ... Бѣлы, какъ снѣгъ, волосы его, темень ликъ, обвѣянный вихрями, солнцемъ изожженный, глубокими морщинами изритыя минствъ, не живое то лицо, а мертвое, изъ гроба нѣкогда возставшее! Но возвелъ старецъ очи къ небу—и блеснулъ вдохновенный, кроткій, благостный очи яснымъ свѣтомъ вѣра святая въ нихъ живетъ-горитъ... И взоръ тотъ, чистый, пламенный пронизалъ сумракъ вечерній, проникъ сквозь тяжкій сводъ вѣтвей сырыхъ, тяжелыхъ и ушелъ туда—небеса бездонныя, необъятныя, туда—къ престолу Бога и вѣдшаго, вседѣущаго...

— Слава Тебѣ, Господи!—звываетъ изъ своей кельи древесной, звываетъ на весь боръ Комельскій святой пустынножитель, подвижникъ Павелъ...

III.

Отъ рѣки Обнори къ рѣкѣ Нурмѣ, по тропинкѣ, съ примѣтной, въ погожій лѣтній денекъ идетъ инокъ по старѣлый, согбенный, но еще силы не потерявшій, бодрый. Любовно оглядываетъ оиъ дебри лѣсныхъ... Давно полюбилъ оиъ ихъ, давно здѣсь спасается, близъ обители Воскресенской. Съ инокомъ Сильвестромъ прішелъ сюда инокъ Сергіи по волѣ и посылу игумена Радонежскаго... Шли у преставился Сильвестръ, а инокъ Сергіи живъ еще—исполнить подвигомъ святымъ...

Отъ странниковъ богомольныхъ вѣсть до него дошла: и явился въ предѣлахъ Обиорскихъ новый пустынножитель. Поплукло праведника къ праведнику, одно чистое сердце святое—къ другому, такому-же...

Чаще, гуще лѣсная глушь... Вотъ, заблестѣли стѣны Нурмы-рѣки; просвѣтъ—полянка замаячила... Виденъ хол



Преп. Павелъ пустынножитель въ лѣсномъ жилищѣ-дуплѣ



Св. Сергія Радонежскаго благословляетъ преп. Павла Обиорскаго на подвигъ построения обители.

K III 1336834

зеленый, надъ нимъ, стася густой лѣсныи птицы льются, звонко, радостно кричатъ. Подошелъ ближе шнокъ Сергій, сквозь завѣсу вѣтвей глянулъ, замеръ весь!

Что за диво дивное! Не въ рай-ли онъ въ саду эдемскомъ, до грѣхонадея чело-вѣческаго? На холмѣ зеленомъ мшистомъ, другой старецъ-схимникъ сидитъ на камнѣ дикомъ, а кругомъ... кругомъ... Истинно, диво дивное кругомъ него въяви совер-шается!.. Птицы—ястребы, коршуны, голуби, воробьи, синицы, сороки, дрозды, малиновки—безъ страха, безъ вражды обоюдной,—около старца льются—изъ рукъ его зерно и ягоды лѣсныя клюютъ, радостно-радостно щебечутъ. Тутъ-же и звѣри лѣсныя всякіе—и хищные, и кроткіе—сошлись-перемѣшались, льнутъ къ пустынножителю, какъ къ своему настырю...

Бѣлочка пушистая прыгаетъ, косуля лѣсная лежитъ, завка сѣрый ушами придетъ, радуется; а рядомъ волкъ стоитъ, никого не трогаетъ, а со стороны еще медвѣдь, воюва дѣсною, бурый, тяжелый, сквозь чащу ломить, ласково, кротко реветъ, никого не страшитъ, не разгоняетъ... И рысь быстрая, и барсукъ черный, и хорекъ, и вѣшка—все здѣсь, все къ святому старцу сошлись, словно агнцы кроткіе... И старецъ-пустынникъ со звѣрями рѣчь ведетъ, кормитъ ихъ, ласкаетъ...

А надъ чудомъ умилительнымъ, дивомъ дивнымъ—положитъ зеленый вѣтвей густыхъ, и съ неба ярко синяго льются золотые лучи солнечныя...

Поднялъ очи пустынножитель: блеснули свѣтомъ ленимъ—вѣра святая въ нихъ живетъ-горитъ.. Такъ узрѣли другъ-друга два подвижника—Сергій Нуромскій и Павель Обнорскій—въ дѣбряхъ лѣсныхъ края Комельскаго...

IV.

1412 годъ... Октябрь холодный, сѣвѣный даритъ надъ угрюмымъ, лѣснымъ краемъ Обнорскимъ... Скорбно и глухо звучитъ било чугуиное въ обители Спасо-Нуромской... Изъ убогихъ келій идутъ сѣдые иноки во храмъ обительскій—молиться о своемъ отцѣ и наставникѣ, преподобномъ Сергій... Уже близка кончина праведника-подвижника...

И къ одру отходящаго пришелъ изъ пустынножительства своего, изъ дѣбри лѣсной, отшельникъ Павель... Благостно глядятъ другъ-на-друга святые старцы, долгими годами согбенные, сѣдинами убѣленные. И повѣствуетъ подвижникъ Павель другу и наставнику своему Сергію о бывшемъ ему чудѣ-видѣніи тайномъ.

— Ежедень слышалъ я звать церковный за Нурмой-рѣ-кой... И томился я, Господа въ молении почномъ вопрошалъ:



Послѣдняя встреча преподобныхъ Сергія и Павла.

изъ дѣбри пустынной, гдѣ ты бы- тели не стоишь...

— П еще иное было видѣніе-знаменіе? слабымъ голосомъ вопрошаетъ отходящій обители горній старецъ Сергій Нуромскій.

— Иное, отче Сергій... На днѣхъ случ-лось, душу мою страхомъ и благоговѣніемъ исполнило.. Вставъ съ молитвы, глянулъ за Нурму рѣку, а тамъ, на урочищѣ ш-комъ, лѣснымъ—свѣтъ великій, сіяніе бесное.. Ужаснулся я, молился сталъ. И вотъ туда глянулъ—опять тотъ же свѣ-то-же сіяніе!..

И пустынножитель Павель, въ недоумѣ-третнемъ, понурилъ столбѣтую главу св-въ сѣдинахъ густыхъ... Молча стояла бра-обители Спасо-Нуромской у одра наставника и отца бо-шаго. А старецъ Сергій, услышавъ третнюю повѣсть Пав-отшельника, весь ликомъ просіялъ, доснищу нехудалую, бл-ную къ сомолитвеннику старому протянулъ, голосомъ кр-кимъ, свѣжимъ ему молвилъ:

— Дерзай, братъ Павель! Ясна воля Божія, вразумитель-велѣніе Божіе... Тамъ, гдѣ свѣтъ сіялъ цѣлѣбный, благовѣсть въ пору ночную слышался,—тамъ воздвигни с-тель.. Пусть въ бору дремучемъ вознесутся высоко гл-и кресты храмовые! Пусть тамъ, гдѣ звѣри дикіе гнѣзди-и рыскали,—разластятъ пѣніе клирное!

— Слабъ и дрovenъ я, отче Сергій... По силамъ-ли-дѣло великое?

— Гляди!—Отходящій првсталъ и въ окно малое на с-обитель указалъ.—Мнѣ Господь не поможетъ?! Дерзай и съ помощью Божіей!.. Слово пробразилъ сто-лбѣтній рець Пазель-пустынникъ: поднялась глава тронетная очачь—свѣтъ ясный, вѣра святая...

— Будь по слову твоему, отче-наставникъ,—твердо молвилъ онъ.

Такъ въ послѣдній разъ встрѣтились святые подвиж-отшельники Сергій и Павель.

V.

1429 годъ... Слава и свѣгла Свято-Троицкая оби-преподобаго Павла-пустынника. Стоитъ она—ирко-стами горитъ—на широкомъ взгорѣ, что омываютъ бме-лѣсныи рѣчки—Нурма да Великуша и вмѣстѣ въ Об-рѣку сливаются.. Уже пятнадцать лѣтъ стоитъ обитель-благословенію владыки Фотія, митрополита всероссійск-Знають о ней далеко-далеко за предѣлы Комельскіе...

Цишь въ обители Свято-Троицкой, въ десятый день ян-мѣсяца, мирно, тихо и благостно догораетъ, что свѣ-передъ иконою, что лампада передъ ктѣ-долгая, праведная жизнь святого шнока, и-добнаго Павла-пустынника... Далѣ-обычный предѣлъ житія смертнаго прест-подвижникъ Обнорскій... И инѣ про-онъ прзорливо день свой послѣдній, покинетъ шпъ оболочку бренную, смеетъ вселится въ горній селеніи блаженнахъ-ведныхъ... И ликуетъ сердце правед-жаждетъ онъ усенія блаженнаго... Поед-заповѣдь братія творить...

Январскій день хмурый холодно гла-келью убогую. На одрѣ жесткомъ лежитъ-датель обители Свято-Троицкой и въ по-разъ лено, спокойно, благостно звучитъ-его къ братіи...

— Церковную службу творите без-ети,—заповѣдуетъ отходящій въ вѣчно-рець.—Богу подобаетъ служить со сл-и третнемъ...

— Внемлемъ, отче, завѣту твоему, и скорбно отвѣчаетъ братія обительска-хи глубокіе слышатся, тихъ шелестъ



Первая встреча преп. Сергія Нуромскаго съ преп. Павломъ въ лѣсу Комельскомъ.



Праведная кончина преп. Павла, пустынножителя Обнорского.

ия рясы иноковъ смиренныхъ, у иконъ свѣчи и лампы
тихо-мирно теплятся...

— Пищу и питіе немилостивое имѣйте и противословія
всякаго удаляйтесь...

— Внеземь, святой отче,—покорно и тихо повторяютъ
блѣдныя, скорбныя иноки.

— Самъ я, если обрѣту дерзновение передъ Богомъ,
буду и тамъ молиться за васъ и за монастырь—да будете
благоуспѣшны,—общаесть преподобный Павель, и взоръ его
съ любовью на братіи останавливается...

— Не скорбите обо мнѣ, имѣйте любовь между собою,—
слышите опять завѣтъ кроткій, благодатный.

Горятъ свѣчи и лампы передъ иконами, мѣшаются
слова и вздохи молитвенныя, блѣдныя доски иноческой
крестныя знаменія непрестанно творятъ... Ближе, все ближе
часть великій, смертный!

И приподнялся на своемъ одрѣ святой Павель—пустынно-
житель, и ввысь взоръ свой послѣдній вперилъ... Ни тоски,
ни унынія: очи блещутъ яснымъ свѣтомъ—вѣра святая въ
нихъ живетъ-горитъ!..



ПАВЛО-ОБНОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

(Къ 500-лѣтію его существованія).

7—8 июня, съ разрѣшенія Св. Синода, Павло-Обнорскій
Свято-Троицкій монастырь торжественно празднуетъ 500-лѣтіе
своего существованія.

Въ ряду иноческихъ обителей Вологодскаго края Свято-
Троицкій Павловъ Обнорскій монастырь занимаетъ видное
мѣсто какъ по древности его существованія, такъ и по благо-
устройству вѣншей и внутренней своей жизни. Онъ нахо-
дится въ 15 верстахъ отъ уѣзднаго г. Грязовца, располо-
жившись на широкой равнинѣ, сжатой со всѣхъ сторонъ
отлогими горами и омываемой р. Нурмою, впадающей около
бѣлыхъ стѣнъ обители.

Съ вершины окружающихъ возвышенностей мѣстность
представляется весьма живописною: центръ ея занимаетъ св.
обитель, бѣляющая своими каменными зданіями, описанная
такою же оградой. Осѣненная чащею возвышающихся за
нею вершинами лиственныхъ зеленѣющихъ деревьевъ, оби-
тель возноситъ къ небу главы своихъ пяти храмовъ и вы-
сокой колокольни, покрытыхъ аллюминіемъ и увѣнчанныхъ
вызолоченными крестами, сіяющими подъ привѣтливыми лу-
чами солнца. Съ восточной и западной сторонъ монастыря
находятся два высокихъ искусственно-насыпанныхъ холма,
на одномъ изъ которыхъ (восточномъ) устроенъ монастыр-
скій скитъ для возлюбившихъ совершенное безмолвіе, а на
другомъ (западномъ)—существуетъ скромная деревянная

часовня "распятого за ны при Понтипестѣмъ Пилатѣ Гос-
нашего Иисуса Христа", отчего и холмъ этотъ именованъ
подъ именемъ „Голговы“. На юго-восточной сторонѣ оби-
разбитъ молодой еще садъ и высятся друхъэтажное д-
виное зданіе обширной монастырской гостиницы, слу-
щей пріютомъ для приходившихъ сюда на поклоненіе
подобно Павлу богомольцевъ, а въ различныхъ мѣс-
той же долины скромно стоятъ и другія хозяйствен-
службы Павловой обители.

Въ одномъ изъ храмовъ обители, въ иѣдрахъ земли
чиваютъ подъ спудомъ св. мощи первоначальника ея—
подобнаго Павла, а на правомъ берегу р. Нурмы, на
мѣстѣ, гдѣ иѣкогда подвизался св. угодникъ Божій и ст-
его убогая хижина, и надъ ископаннымъ имъ въ полу
источникомъ, среди тѣнстой обширной рощи, воздвигн-
двѣ деревянныя часовни, живо напоминающія пустыни
земли о преп. Павлѣ, духъ котораго все еще живетъ на
на землѣ, орошенной его молитвенными слезами.

Пять вѣковъ прошло съ того времени, какъ эта иѣк-
безлюдная дѣбрь дала мѣсто первому здѣсь храму Пре-
тыя Троицы и иѣсколькимъ человѣкамъ пустынножито-
но здѣсь все еще какъ бы дышетъ духомъ того отдален-
времени, и кажется, нельзя было избрать лучшаго м-
для усидившихъ подвиговъ благочестія.

Въ 1317 году, при великокняженіи св. Михаила Яро-
вича Тверскаго, при Московскомъ удѣльномъ князѣ Гес-
Даниловичѣ, вѣукъ св. князя Александра Невского, п-
одновременно съ рожденіемъ великаго благодатнаго свѣ-
лика земли Россійской—преподобнаго Сергія Радонежскаго
семейству одного московскаго богатаго, благороднаго и бл-
честиваго жителя Господь даровалъ сына. То былъ ино-
ствѣ Угодникъ Божій—преподобный Павель. Исторі-
жизнеописатели его не сохранили для насъ ни имени и
нїя родителей его, ни первоначальнаго христіанскаго им-
которымъ родившійся нареченъ былъ при св. крещеніи
послѣднію единогласно сходятся въ свидѣтельство о бл-
ствѣ и—главное—благочестіи ихъ.

Добрый корень далъ и прекрасную отрасль. Подъ влияніемъ
благодѣтельнаго и глубоко-религіознаго воспитанія, полу-
наго имъ отъ своихъ родителей, Павель съ самыхъ юн-
лѣтъ былъ далеко не похожъ на другихъ дѣтей однако